

К ВОПРОСУ ОБ ОБРЯДНОСТИ И АТРИБУТИКЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ СВАДЕБНОЙ ЦЕРЕМОНИИ

У статті автор реконструює ритуал весільної церемонії в Візантійській імперії, розкриває сенс весільних символічних обрядових дій. Аналіз джерел приводить до висновку про розвиток православного весільного ритуалу Візантії, який характеризувався воцерковленням народного обряду і адаптацією його для цілей держави і церкви. Крім того, порівняння обрядовості, атрибутики і традицій візантійського весілля показує їх взаємозв'язок з весільними звичаями широкого кола народів, що населяли малоазійсько-балкансько-чорноморський регіон.

Исследования свадебных обычаев, церемониала и атрибутики у различных народов мира эпохи средневековья были и остаются объектом изучения медиевистики. Объяснение этому содержится в том факте, что именно свадебный ритуал отражает культурный код цивилизации, дает возможность составить достоверное представление о системе взглядов того или иного народа в духовной сфере. При этом этноидентификация достигает максимума и не определяется социальными или иными признаками, т. к. свадебный ритуал имущих и бедных слоев населения отличается скорее размахом и масштабами, чем обрядностью и атрибутикой, а тем более семантической и традиционалистской нагрузкой. Исследователь получает срез менталитета в "чистом" виде, без дополнительных смысловых искажений в виде социально-дифференцирующих поведенческих девиаций.

Все вышесказанное в полной мере относится и к обряду свадьбы средневековой Византийской империи. Специфика исследований в данной сфере состоит в том, что анализ ритуала заключения брака в этом государстве позволяет судить не только о глубинных процессах в социальной психологии и ментальности народов империи, но и дает конкретно-исторический материал об укреплении и развитии православной обрядности во всех областях жизни и быта населения. Наконец, тема интересна еще и потому, что именно византийский образец лежит в основе современной украинской свадебной церемонии, особенно церковного венчания.

Источниковая база проблемы достаточно обширна и предоставляет богатый материал для научного анализа и обобщения. Естественно, в первую очередь в источниках отражена свадебная обрядность императорской четы и высших слоев византийской знати. Эти события, нерядовые для любой империи, традиционно находились в центре внимания средневеко-

вых историографов [7]. Народные свадебные традиции отражены в источниках историографического характера не столь широко, гораздо подробнее представлены сведения из области брачного права и законодательства.

Кроме того, весьма пространен пласт источников по истории церковной обрядности и, прежде всего, ряд документов, содержащих подробно разработанный чин церковного обручения и венчания. Изучение этих документов дает представление о последовательной разработке церковного свадебного церемониала византийского православия. Поскольку только на самых ранних стадиях существования империи ромеев брак мог не носить церковного характера, изучение регламентов патриархии и православной церкви в целом дает немало важной информации по поводу народных свадебных обычаев в целом [17; 12].

Чрезвычайно ценным источником как для изучения быта византийцев в целом, так и для исследуемой темы в частности является эпическая поэма "Дигенис Акрит", написанная в X-XI вв. [4]. Созданная на базе неизвестных нам фольклорных песен, поэма, по мнению большинства исследователей, весьма точно отражает особенности свадебного обряда, причем поскольку действие происходит в приграничном районе, свадьба главных героев поэмы - воина Дигениса Акрита и Евдокии, дочери стратига Дуки, имеет не только православные, но и некоторые мусульманские черты. Анализ сюжета, связанного со свадьбой героев, дает яркое представление о взаимодействии и взаимовлиянии различных культур и свидетельствует о том, что жители империи не всегда враждовали с окружающими нехристианскими народами.

Наконец, определенное значение для нашей темы имеют этнографические источники. Свадебные обряды греков, русских, украинцев, даже татар и турок своими корнями восходят к византийской свадебной церемонии.

В нашей статье мы не будем останавливаться на социально - компенсаторном значении свадьбы как составной части государственной внутренней (а в случае женитьбы императорских особ - и внешней) политики; мы только отчасти и только в связи с ритуалом коснемся правовых и религиозных норм и регламентов, касающихся византийского брака и не будем сосредотачиваться на имеющихся спорных проблемах. На базе имеющихся источников и исследовательских работ автор намерен реконструировать ритуал свадебной церемонии и раскрыть смысл тех или иных действий с точки зрения византийских представлений о символике и счастливых предзнаменованиях.

Итак, брачный возраст для византийцев наступал весьма рано. Минимальный возраст для брака был установлен Кодексом Юстиниана: четыр-

надцать лет для мужчин и двенадцать для женщин [6, с. 170]. Заключение брака предшествовал определенный период подготовки, который включал в себя в первую очередь договоренность между родителями жениха и невесты и, как объявление намерений - обряд обручения, от момента которого до свадьбы могло пройти длительное время, которое использовалось семьями для подготовки к торжественному событию в жизни молодых.

Уже в этот период было принято обмениваться подарками и создавать в ходе общения праздничную атмосферу. Вот как описывает встречу с невестой Дигениса Акрита одноименная поэма: узнав о приближении сына с невестой, эмир устраивает торжественную встречу: он выезжает к ним с пятью дядьями Дигениса и тремя тысячами отроков. Они берут с собой специально приготовленные женские седла с уздечками и движутся навстречу новобрачным под звуки различных музыкальных инструментов - рогов, труб, барабанов. При встрече эмир спускается с коня, обнимает жениха и невесту, благословляет Дигениса; затем девушку сажают на седло, осыпанное жемчугом, возлагают на нее драгоценный венец, и каждый из родных жениха наделяет ее бесценным подарком. Снова играют рога, трубы, барабаны, кифары, и вся процессия с пением направляется к дому. Наступает всеобщее ликование. Навстречу выходит из дома толпа женщин - впереди бабка и мать Дигениса. Нарядные служанки несут цветы, розы, миртовые ветви; они ударяют в кимвалы и воспевают новобрачных. Земля устлана миртом, лавром, розами, нарциссами, ароматными цветами. Свекровь заключает невесту в объятия и с почтением вручает ей дар превосходной работы. Не менее богатые подарки ждут и жениха в доме невесты (но они уже, судя по всему, входят в приданое). Отец невесты - византийский стратиг - дарит жениху 12 вороных коней, 12 прекрасных кобыл, столько же мулов с драгоценными седлами и уздечками, отделанными серебром и жемчугом; 12 молодых конюхов, опоясанных золотыми поясами; 12 охотничьих леопардов, 12 белоснежных ловчих птиц из Абасгии, по 12 малых и обычных соколов, две драгоценные иконы святого Феодора, роскошный шатер, украшенный изображениями зверей (шатер этот с шелковыми шнурами и серебряными шестами); два арабских копыя и знаменитый меч Хосрова [4, с. 190-198].

В таком жанре как эпическая поэма преувеличения являются обязательным элементом, но из этого описания церемонии, в которой авторы, по-видимому, воплощали некий идеал, можно понять, что, чем многочисленнее и дороже были подарки, тем большее признание вызывал такой свадебный обряд у византийцев.

Итак, время ожидания для жениха и невесты заканчивалось, и наступал день свадьбы. Пока молодожены одевались, в их честь исполнялись

специальные песни. Особое внимание естественно придавалось одеж-
ням молодых. Византийские невесты носили красное шелковое платье, вы-
шитое золотом и драгоценными камнями. По сравнению с римским, визан-
тийское свадебное платье было усовершенствовано: появились полноцен-
ные рукава, в наряде присутствовала многослойность - надевали несколь-
ко одежд сразу, одна на другую. Друзья и подружки молодых нередко
одевались в специальную одежду с изображением глаза, который должен
защитить молодую пару от неудач - этот обычай сохранился и в современ-
ных греческих свадьбах [1, с.36].

До нашего времени дошел и другой обычай византийцев. В некоторых
сельских областях Греции свадебную постель готовят особым образом: по
традиции, по постели должны сначала побегать маленькие дети. Постель
для первой брачной ночи обычно стелила родственница со стороны невест-
ты, например ее крестная мать. Под перину насыпались зерно или оливки.
По поверьям, благодаря этому у молодоженов должно было появиться
изобилие, а также здоровое и многочисленное потомство [10, с.154].

Одежды гостей были по преимуществу белого цвета [9, с.160-161]. На
этом фоне ярким пятном выделялся жених, появлявшийся в сопровожде-
нии музыкантов и зачастую одетый в наряды принятого в империи фиоле-
тового цвета. В "Дигенисе Акрите" говорится, что жених получил от тещи
на свадьбу множество шелковых одежд, драгоценных поясов, четыре злато-
тканых белых головных платка и шитый золотом плащ, украшенный изоб-
ражениями традиционных для византийской геральдики грифов [11, с.154].

Важным моментом на свадьбе считалась первая встреча молодых. До
этого момента голова и лицо невесты были закрыты вуалью, что не совсем
характерно для христианства и возможно связано с тюркско-исламским
влиянием. Когда жених приближался к своей нареченной, она открывала
лицо. Случалось и так, что жених видел лицо невесты в первый раз, хотя
нередко помолвленные дети росли и воспитывались в одном доме. Инте-
ресным подтверждением мусульманского происхождения этого обычая
может быть то, что свадьба Дигениса Акрита и Евдокии - в некотором роде
межэтническая, потому что Дигенис - сын арабского эмира и гречанки.
Возможно, поэтому эмир дарит будущей невестке *Θεωρετρον* - подарок,
вручаемый отцом жениха невесте, когда та впервые открывала лицо [11,
с.154].

Таким подарком мог быть платок, роль которого на начальных стадиях
свадебных обрядов у народов, населявших Малую Азию, была весьма
велика. Возможно, отголоски этого мы находим в свадебных обычаях крым-
ских татар, у которых предсвадебных платков было несколько, и они отли-
чались своим узким назначением, цветом, размером, особенностями ук-
рашения и были связаны с разными участниками обряда. Платок служил

своего рода признанием в чувствах, когда во время танцев на чьей-либо свадьбе юноша дарил платок впервые увиденной им и понравившейся ему девушке. Причем этот платок был не вышитым. И если молодой человек вызывал у девушки ответные чувства, то через некоторое время она возвращала ему этот платок уже вышитым [14, с.47].

Заметным атрибутом византийской свадьбы были также монеты. Они были важной частью костюма невесты. Возможно, существующий на современных греческих свадьбах специальный "танец денег", во время которого гости, танцующий и с невестой и с женихом, прикрепляют деньги к их одежде, имеет отношение к византийской традиции [1, с.54].

Любопытный отголосок связи с византийским прошлым мы находим в украинской свадебной атрибутике. И у нас свадебный наряд невесты было принято украшать золотыми изделиями, изготавливаемыми зачастую из крупных золотых монет. Традиционное название такого украшения - дукач [3, с.165]. Слово это, предположительно, произошло от родового византийского имени Дука, которое носили византийские императоры Константин X и его сын Михаил VII.

Возвращаясь к теме византийской свадьбы, перейдем теперь к анализу церковной части церемонии. Историки сходятся в том, что, скорее всего, до конца IX века византийские браки заключались как гражданские союзы с соответствующим юридическим оформлением, но без участия церкви, хотя благословение свадеб известно с древнейших времен и о нем рассказывают церковные авторы II-III веков. Церковное венчание как обряд входит в народную жизнь лишь с IX века [16, р. 100].

Окончательно участие церкви в свадебной церемонии было оформлено императорами Львом IV Мудрым и Алексеем Комнином. "Мы в настоящее время также повелеваем, - постановлял Лев IV, - чтобы браки утверждались священным благословением"[15, р.297]. Однако указанная новелла Льва была создана в рамках и традициях древнего римского права, предоставляя право на законный брак с церковным благословением только свободным гражданам. Лишь два столетия спустя в 1095 г. император Алексей Комнин, мотивируя свое решение формулой "один Господь, одна вера, одно крещение", предоставил право законно заключать браки в церкви и рабам [18, novel 74].

Получив право и обязанность официального участия в свадебном обряде, православная церковь, судя по всему, отнюдь не покушалась на сложившиеся традиции и практику заключения брачного союза. Во многих византийских церковных регламентах упоминается о том, что во время церковной церемонии вместе с Евангелием и кольцами, но не на алтаре, а на специальном столике в центре храма находился и «μνηστρα», т. е. брачный договор, в котором определяются условия будущего брака. По отно-

шению к древней традиции предварительной договоренности между родителями жениха и невесты церковь оставалась нейтральной и факт присутствия брачного контракта во время церемонии в храме скорее свидетельствует о полном согласии церковного регламента с обычной для того времени гражданской практикой [16, р. 102].

Важное место в ритуале венчания занимал такой атрибут как кольцо. Эти украшения не потеряли своего символического значения до сих пор и значение это имеет многочисленные толкования и расшифровки. Так, в литературе можно встретить утверждение, что круглая форма кольца означает вечность и неразрывность супружеского союза; что два одинаковых по форме кольца должны были подчеркнуть единство супругов в браке; что именно кольцо-перстень с древности служили знаком утверждения, печатью и в церемонии свадьбы символически скрепляли союз молодоженов. Представляется, что все или большинство из этих толкований в определенной мере справедливы, поскольку за тысячелетия пребывания в сфере значимых для человеческих цивилизаций сакральных символов кольцо и должно было приобрести множество значений.

В отличие от современных, кольца жениха и невесты в Византии изготавливались из различных материалов, обычно из золота и серебра или золота и железа, а также из бронзы, меди, с применением черной эмали. Кольцо из более дорогого металла - золота - приносил жених. Возможно, что в данном обычае заложена мысль о неравенстве мужа и жены в браке, что нивелировалось обычаем обмениваться кольцами, и, получая кольцо другого, каждый из молодоженов получал залог верности и любви. Особой популярностью при оформлении свадебных колец и перстней пользовались сюжеты с изображениями святых и формулы, обычные для амулетов и талисманов. Традиционными были следующие варианты: на щитке в форме круга, креста или квадрифолия размещены изображения жениха и невесты, расположенные по сторонам центральной фигуры Христа, который благословляет их накладыванием своих рук им на головы, либо соединяет руки жениха и невесты, или держит над их головами венцы. Иногда присутствует фигура Богородицы, которая благословляет невесту, а Христос - жениха. Часто центральная фигура Спасителя заменяется изображением креста, по сторонам которого находятся поясные фигуры жениха и невесты. Там же часто присутствует греческая надпись ΟΜΟΝΟΙΑ (согласие) или ΕΚ ΟΕΟΥ ΟΜΟΝΟΙΑ (от Бога согласие). Несколько реже - ΧΑΡΙΣ (благодать) и ΥΓΙΕΙΑ (здоровье). Это традиционные свадебные пожелания, которые всегда понимаются как "от Бога...", даже если эта фраза отсутствует [13, с. 14].

В семьях без большого достатка свадебная атрибутика выглядела значительно скромнее. К XIII столетию относится простое трехгранное кольцо,

хранящееся в музее Нюрнберга. Оно было найдено в могильнике, а доказательством того, что это свадебный атрибут, является надпись на внутренней стороне: "Во мне верность" [8, с. 126].

Еще одним неизменным атрибутом церковного обряда являлся венец. Пожалуй, ни у кого из исследователей, как светских, так и церковных, нет сомнений в античных корнях этого важного культового предмета. В византийской обрядности он быстро приобрел новый образ - вместо лиственного или цветочного веночка византийский венец всё больше уподоблялся короне, осыпанной драгоценностями (например, на мозаиках Равенны; в росписях церкви Сант - Апполинаре) [5, с. 598].

Венцы на головах молодоженов обычно символически трактуются как царские (в новосозданной семье молодые будут как бы царями и основателями рода). Интересным отличием византийского церковного чина было то, что обряд снятия венцов не осуществлялся в церкви, как сейчас, а происходил в доме жениха, состоял из комплекса специальных молитв и совершался через несколько дней (от 3 до 8 по разным источникам). Объяснение этому состоит в том, что венцы, как и практически все другие элементы свадебной атрибутики в церковь приносили сами новобрачные, а задачей священника было благословение брака. Конечно же, разброс в атрибутике "богатых" и "бедных" свадеб был весьма велик. Нет сомнений в том, что на свадьбах бедняков в качестве венца использовался обычный венок из цветов. Возможно, стремление избежать неравенства в чине венчания привело к тому, что в наше время венцы для обряда венчания предоставляются храмом [2, с.345].

Так же как и сегодня в обряде венчания использовался разостланный кусок материи, на который вступали молодые в знак того, что участь их будет одинакова как в счастье, так и в горе. Свечи в руках жениха и невесты становятся частью церемонии обручения лишь к XV веку и в византийской свадебной обрядности не использовались. В чин церковного венчания не входил также кажущийся столь естественным вопрос о намерении заключить брак, адресованный жениху и невесте (болгарская и румынская православные церкви до сих пор совершают венчание без этих формул) [5, с. 344-346].

Наконец, распространенным, хотя и, судя по всему, не всеобщим обычаем средневековой Византии, было испытание молодыми чаши, которое совершалось у алтаря. После того, как вино было выпито, чаша эта разбивалась. В наши дни этот обычай ушел из церкви, но процветает в ходе домашних празднеств, символизируя пожелания счастья и удачи. Церковь же отказалась от этой части ритуала прежде всего потому, что чаша в христианском богослужении служит для причащения, которое проводится в ходе свадебного обряда, и манипуляции с двумя чашами - одной для

причастия, второй для "разбития" явно причиняли священнослужителям неудобство и были неприемлемы с точки зрения почитания христианских святынь [16, с. 102-103].

Церковная церемония заканчивалась, и вся свадьба, вместе со священнослужителями, под звуки музыки и пение свадебных гимнов возвращалась в дом жениха. Во время пира гостей развлекали мимы, флейтисты, танцовщицы, представления которых в какой-то момент могли потерять пристойность, чему не могло помешать даже присутствие священника. "Не подобает освященным, или причетникам зрети позорищныя представления на браках или пиршествах: но прежде вхождения позорищных лиц воставати им и отходити"[8, с. 108].

Веселье продолжалось не один день. Неоднократно упоминаемый нами "Дигенис Акрит" сообщает, что свадьба героев поэмы в доме жениха справлялась три месяца, а затем стратиг Дука вместе со своими новыми родственниками вернулся домой и справил у себя новую свадьбу - еще веселее первой [4, с. 110].

Таким образом, даже первое приближение к теме обрядности, атрибутики и традиций византийской свадьбы показывает их взаимосвязь со свадебными обычаями широкого круга народов, населявших малоазийско-балканско-черноморский регион. И если эта связь с церемониалом православных народов не вызывает особых вопросов, то определенные, пусть и косвенные данные о сходстве византийской свадьбы с традиционными обрядами мусульманских, и прежде всего тюркских народов кажется на первый взгляд парадоксальными. Однако дополнительное выяснение обстоятельств жизни этих народов, протекавшей в условиях приграничья, которое предоставляло широкие возможности не только для вражды, но и для сотрудничества, позволяет понять, что подобные отголоски представляют собой закономерный этап веков сожительства.

Не вызывает сомнений и тот факт, что православный свадебный ритуал Византийской империи пережил длительный многовековой этап развития, характеризовавшийся воцерковлением народного обряда и адаптацией его для целей государства и церкви. При этом мы считаем, что данный сложный процесс протекал в условиях большей, чем можно было бы ожидать, зная историю Византийской церкви, толерантности ее по отношению к народной обрядности и античным установкам.

Возможно, следует изменить акценты при оценке границ терпимости в традиционных для наших представлений ментальных оппозициях типа православие - ислам, церковь - народные традиции. Однако данный вывод носит самый предварительный характер и нуждается в детальных дополнительных исследованиях.

Источники и литература

1. Богадица Т.К.Обрядовый фольклор греков Приазовья. -Мариуполь: Издательство Федерации греческих обществ Украины, 2003.-182 с.
2. Венец//Православная энциклопедия /Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. -Т.7-М. :Церковно-научный центр "Православная энциклопедия", 2004.-752 с.
3. Воропай О. Звичаї нашого народу: етнографічний нарис - К. : Велес, 2009. - 432 с.
4. Дигенис Акрит / перевод А.Я. Сыркина. - М.: Изд. Акад. наук СССР, 1960. - 218 с.
5. Желтов М. С. Венчание брака/ Православная энциклопедия.Т.7. -М.: Церковно-научный центр "Православная энциклопедия", 2004. -540 с.
6. Институтции Юстиниана / Пер. Д.Раснера.-М.: Зерцало,1998.
7. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / пер. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского. -М., 1884.
8. Литаверин Г.Г.Как жили византийцы. -СПб.: Алетейя, 2006, -256 с.
9. Поляковская М.А.,Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. -Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989.-304 с.
10. Пономарева І. С. Етнічна історія греків Приазов'я (кінець XVIII - початок XXI ст.). Історико-етнографічне дослідження. - К.: Реферат, 2006. - 300 с.
11. Сыркин А.Я. Сведения "Дигениса Акрита" о византийском быте и памятниках материальной культуры // Византийский временник. Вып. XXI, 1962. -С.148-164.
12. Творения преп. Федора Студита. -Спб.: Изд. Спб. духовной академии,1867-69.
13. Федоров Ю. Беседы о церковном ювелирном искусстве / Беседа 2. "Господи, яко оружием благоволения венчал еси нас" (из истории обручальных перстней) // "Московский Ювелир". №8, 2004.
14. Шерфединов Я. Звучит Кайтарма. -Ташкент: Изд. лит. и иск., 1979. -124 с.
15. Les Nouvelles de Lion VI le Sage /ed. P. Noailles and A. Dain. -Paris, 1944, p. 297.
16. Meyendorff J.Christian Marriage in Byzantium: The Canonical and Liturgical Tradition // Dumbarton Oaks Papers, Vol. 44, 1990, p. 99-107.
17. Michael Cerularius. Letter I to Peter of Antioch / Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae compositae. - Leipzig, 1861.
18. Novellae constitutiones imperatorum post Justinianum quae supersunt collatae et ordine chronologico digestae // Jus Graeco-Romanum. C.E.Zachariae e Lingenthal. -Lipsiae, 1857.